

The image features a stark, high-contrast background of white. Overlaid on this are the dark, intricate silhouettes of barbed wire. The wire forms a complex, crisscrossing pattern of sharp points and loops. On the left side, a vertical silhouette of a post or fence corner is visible, with several strands of wire extending from it across the frame. The overall effect is one of confinement and historical gravity.

**«Я из войны Отечественной
родом...»**

**К 100-летию Константина
Воробьева**

Всю жизнь Константина Воробьева, яркого представителя послевоенной прозы, можно проследить по его произведениям. История страны в них тесно переплетена с судьбами простых людей. Воробьев писал о том, что пережил сам: коллективизацию, фронты Великой Отечественной, немецкий плен, партизанщину. И в каждом

В истории России Великая Отечественная война стала, по сути, новым цивилизационным конфликтом, более глобальным, чем Отечественная война 1812 года. Ее итогом стал раскол мира на две системы, социума – на общество потребления и общество идеалистов. Родилось такое явление, как правдоискательство в литературе, выраженное в том числе и «лейтенантской прозе» – произведениях Василя Быкова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова и других. Целями и задачами лейтенантской прозы являлась попытка понять «правду войны», выразить ее словами и соотнести с современной действительностью. Авторы писали о том, что видели и пережили сами. В этом плане интересна судьба одного из ярких представителей лейтенантской прозы – Константина Воробьева. Самое значительное и страшное из его произведений написано им всего за две недели, в 1943 году, на чужом чердаке, в постоянном ожидании ареста или смерти.

Из элитного полка

на передовую

В 1941 году курсанта Константина Воробьева отправили из Академии имени Фрунзе в Московское командное училище имени Верховного Совета – он по всем параметрам подходил в Кремлевскую роту. Стоять бы ему у Мавзолея, ходить, печатая шаг, и охранять с карабином в руках государственные секреты, если бы не война.

Рано утром 6 октября сводный полк Московского командного училища имени Верховного Совета СССР, как и все училища, подразделения и отдельные части, находившиеся в ведении Московского военного округа, был поднят по тревоге. 1300 человек совершили 85-километровый марш-бросок до отведенных им позиций на реке Лама.

К 8 октября стало очевидно, что советские войска являются самым надежным заслоном между Москвой и войсками противника.

После непрерывных боев в течение двух месяцев с 17 по 19 ноября позиции полка атаковали танки. Курсанты использовали бутылки с зажигательной смесью и вели плотный огонь из самозарядных винтовок. Элита Красной Армии – высокие, на подбор, как былинные богатыри, теряла в день по роте, отходя с боями к Солнечногорску. Последний бой остатки курсантского полка приняли возле села Каменка. Уже 4 декабря началось контрнаступление советских войск. Операция «Тайфун» была сорвана ценой жизни тех, кто навсегда остался на снежных полях Подмосковья. В развороченном взрывом окопе на месте последнего боя курсантского полка немецкие пехотинцы нашли контуженного, но живого русского офицера. Это был лейтенант 10-й роты Константин Воробьев.

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Воробьев «натурализм войны» на себе изведal. Он писал страдая, а не любуясь войной и подвигами, не наряжал войну в романтические одежды.
Юрий Бондарев.

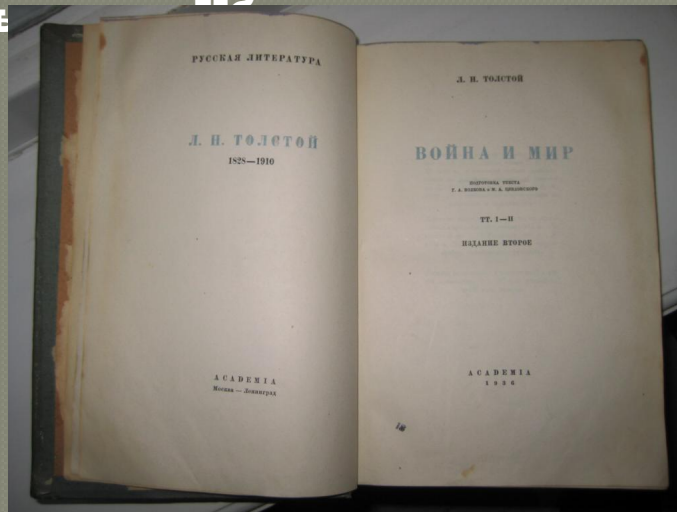

К.Д. Воробьев (слева) с товарищем.
Западная Белоруссия.

Немецкое отступление в декабре 1941-го было тяжелым. Солдаты и офицеры вражеской армии, в шубах с чужого плеча, в обрезанных валенках поверх сапог, обмотанные для тепла тряпками, вымещали злобу на пленных, убивая их десятками и сотнями. Путь отступающей немецкой армии был усеян мертвыми телами. Пленные русские шли из последних сил – босиком (отмороженные пальцы потом отваливались, а ноги пожирала гангрена), в обмотках, в разваливающейся обуви.

Война 1812 года была любимой темой Константина Воробьева, а «Война и мир» – настольной книгой. Пожилой солдат, чем-то похожий на толстовского Платона Каратаева, с которым он шел бок о бок, был застрелен немецким конвоиром вместе со старушкой, которая пыталась передать пленным и обессиленным.

Советские военнопленные. Ноябрь 1941

Плен и побед

Попав в плен, Константин Воробьев понимал: необходимо выжить. После, в лагере, он узнает, что в плену выживает тот, кто до последнего момента сохраняет хоть подобие собственного достоинства – пытается следить за собой, пришивать пуговицы или хотя бы заменять их палочками, протирать лицо, чистить зубы щепкой. Опустивший руки быстро гибнет и пополняет собой огромную яму, в которую каждый день кидают новых покойников. Ржевский пересыльный лагерь военнопленных был местом, где человеческие потоки сортировали, определяя их дальнейшую судьбу. Охрана периметра лежала на полицейских. По жестокости они превосходили немцев. Люди умирали и сходили с ума от голода: за неделю Воробьев получил 80 граммов хлеба. На огромном пространстве между вышками не осталось снега – его съели; выпили всю воду из луж. На тринадцатый день полицейские загнали на территорию старую хроющую лошадь, а когда пленные кинулись к ней со всех сторон – открыли огонь из пулеметов, убив разом до сотни людей. Но и в этом аду находились люди, которые делились последним и помогали друг другу выжить.

Наконец была сформирована колонна, которую погнали в вяземский концлагерь, освободив место вновь прибывающим. Он был не лучше ржевского, но там хотя бы кормили: пустая консервная банка для баланды была сокровищем, которое берегли и прятали. В вяземском лагере Константин Воробьев заболел тифом. В его истощенном состоянии эта была почти верная смерть. Охранники в бараке сняли с него одежду, позарившись на офицерское обмундирование, и голым бросили под нары – на погибель. Но Воробьев привык выживать, поэтому через несколько дней, грязный, страшный, с отказавшей ногой, он выполз из-под нар и добрался до медицинского пункта. Русский доктор, обязанный лечить полицейский состав и по остаточному принципу – пленных, помог ему выжить. Просто потому, что увидел в Воробьеве человека, готового бороться до конца как за свою жизнь, так и за то, что ему дорого.

Через некоторое время немцы отделили офицеров от рядовых и отправили их в Смоленск. Затем в Каунас, откуда Константин совершил свой первый побег. Пленные работали в каменоломне, где совершенно бессмысленно, из конца в конец, перекатывали камни. Улучив момент, Воробьев бежал, но уже через час, избитый и окровавленный, он лежал перед конвоирами. А через неделю его отправили в лагерь смерти в Саласпилсе.

Бежать из концлагеря было практически нереально – все пространство перед колючей проволокой простреливалось, от барачов запрещалось отходить более чем на 50 метров. Подкоп был нереальной мечтой – в бараках хватало шпионов, готовых выслужиться за кусок хлеба. Вдобавок ко всему концлагеря располагали на враждебных территориях, чтобы исключить помощь местного населения. Единственным шансом для побега был переезд из лагеря в лагерь.

Август. 1941. Гиммлер
инспектирует лагерь для
советских военнопленных

Вместе с другом, молодым солдатом, Воробьев бежал, выбив окошко вагона и спрыгнув на ходу с поезда. Через неделю друга схватили полицейские в одном из домов, куда они заглядывали, чтобы попросить еды. Месяц Константин скитался по лесам, ночевал в старых копнах сена; его подкармливали сердобольные литовцы. Через месяц обессиленного беглеца поймали. И как подозрительного бродягу, возможно – дезертира, отправили в тюрьму в литовском городе Паневежисе.

В тылу

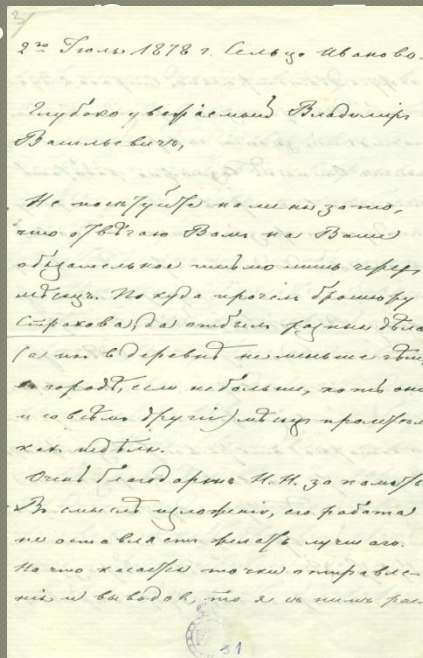

Заклученных каждый день возили на работы. 24 сентября, в собственный день рождения, Константин Дмитриевич бежал в третий раз. И это был последний его побег.

В лесу на оборванного, истощенного человека наткнулась женщина, собиравшая грибы. Она привела его к себе домой. Здесь, в семье лесника Яна Дзениса, Константин нашел помощь и приют. Потом дочь лесника, Вера Дзенис, скажет, что задолго до того видела сон про русского, пришедшего из леса, который стал ее судьбой.

Константин поправился и пришел в себя. Прячась на чердаке от визитов немецких солдат, в считанные дни написал о том, что ему пришлось увидеть и пережить. О том, как военнопленные шли по зимнему тракту и их расстреливали одного за другим. О том, как эсэсовцы насмерть били заключенных лопатами. О голоде, который приходилось испытывать каждому военнопленному. И вспоминал с благодарностью о людях, которые не сломались и послужили ему примером. Первое название текста было «Дорога в отчий дом». Уже много позже, после смерти Константина Воробьева, издатели переименуют повесть «**Подвиги**».

К. Д. Воробьев «Это мы, Господи!..» Эта повесть рассказывает о человеке, попавшем в плен

Два года лагерей остались позади как страшный сон. Но на войне у командира РККА Константина Воробьева было свое место. Поэтому однажды из дома лесника ушли двое – Константин и Вера Дзенис, ставшая ему верной и любимой женой до самой смерти. В литовских лесах из бежавших военнопленных Константин Воробьев создал партизанский отряд и стал его командиром.

Воевали они под крылом литовского партизанского отряда с названием «Кяститус», что по-литовски означает «терпеливый».

Партизаны нападали на немецкие колонны, уничтожая живую силу и технику, поджигали и взрывали объекты военного значения, устраивали диверсии. Константин Воробьев воевал в партизанах до освобождения Прибалтики. Его жена стала санинструктором и вынесла с поля боя не один десяток раненых.

Наградой Константину Воробьеву стала медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени «за отвагу, героизм и выдающиеся успехи в партизанской борьбе».

В отбитом у немцев Шауляе Константин Дмитриевич был назначен начальником штаба ПВО. Под его командой оказались те, вместе с кем он воевал в лесах. Воробьев позаботился о судьбе каждого, написав на них отличные характеристики. Не избежал жестких допросов в НКВД и он сам. Но тут за Воробьева свидетельствовали его дела: многие могли подтвердить, как вел себя этот командир отряда в немецком тылу.

Сочувствие к каждому

Константин Воробьев

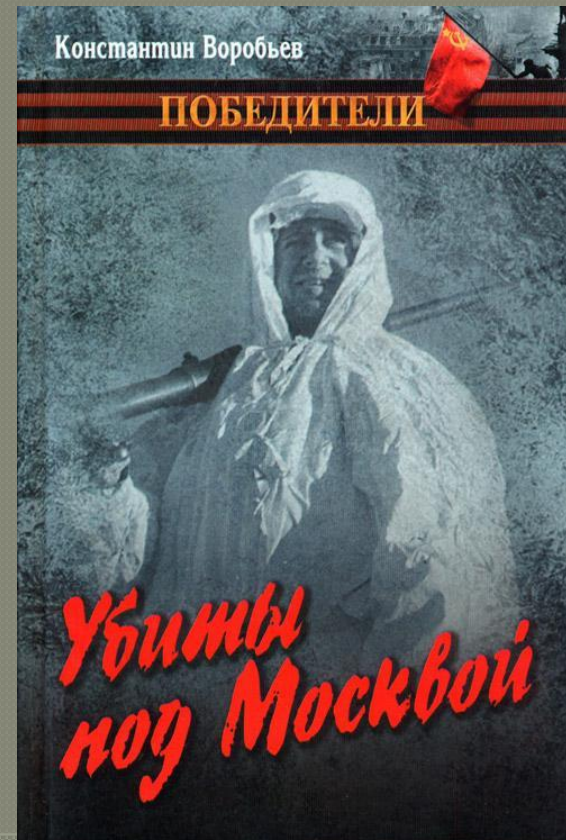
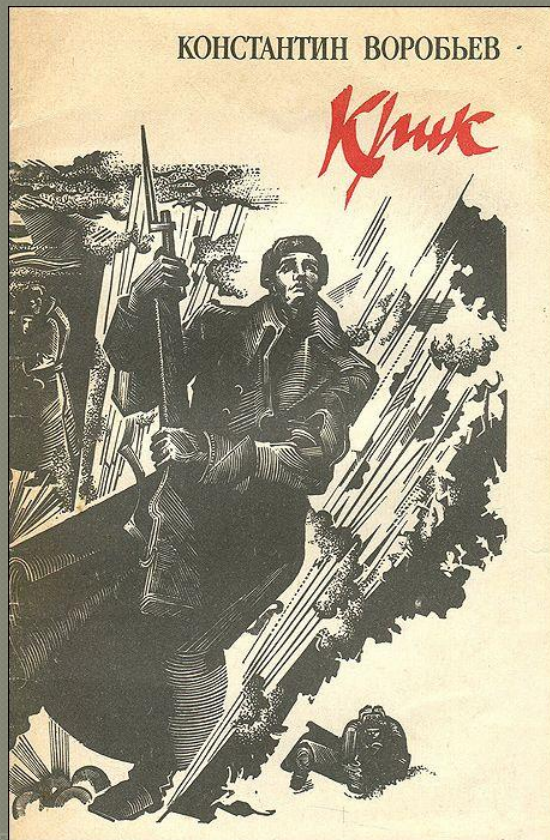

Это мы, Господи!..
Повести и рассказы

В 1947 году Константин Воробьев демобилизовался и переселился с женой в Вильнюс. В 1948 году он послал в журнал «Новый мир» текст, который написал сразу после побега из лагеря. Редактор назвал Константина Воробьева «пустым холодильником» и сказал, что тот не умеет писать о войне. А рукопись потерялась, казалось – навсегда.

Но именно эта неудача подтолкнула его. Он начал писать, и писал ярко, емко, описывая страшные стороны деревенской жизни 1920–1930 годов: коллективизацию и голод глазами ребенка («Друг мой Момич») и через призму войны и плена («Почем в Ракитном радости»). Его рассказы вызывают сочувствие и к крестьянам, у которых отбирают последнее, и к продотрядовцам во время расстрела: один из них под дулами винтовок крестился маленьким ребенком, крича: «Что вы делаете, люди?!»

Сборник рассказов «Подснежник», вышедший в Вильнюсе, не сделал его известным. Но написанные им позже повести «Крик» (1962) и «Убиты под Москвой» (1963) прочитали многие. Во многом эти произведения повторяют друг друга и являются автобиографическими.

В первом молодой лейтенант проживает всю жизнь – наступление, фронт, война, любовь, смерть любимой, плен – за несколько дней. В финале повести любопытный немецкий офицер собирает трофеи – советские офицерские петлицы и эмблемы родов войск. Петлицы и эмблемы оторваны с не успевшей еще испачкаться шинели главного героя. В повести «Убиты под Москвой» в бой с немцами вступают кремлевские курсанты – и последний, оставшийся в живых после смерти товарищей курсант плачет, потому что никто не видел, как он сумел подбить танк. Здесь также путь взросления и осознания стремителен и занимает несколько дней.

Через десять лет, в 1985 году, энтузиасты нашли в архивах журнала «Новый мир» пропавшую рукопись Константина Воробьева и опубликовали ее в журнале «Современник», назвав «Это мы, Господи». Это произведение считается самым ярким в его творчестве. Жуткий рассказ о немецких лагерях поражает верой в человека, потому что особенно выпукло в нем показаны русские люди, окружавшие главного героя, – не унывающие, не опустившиеся, а готовые бороться в таких условиях.

После окончания оттепели печататься стало намного труднее.

Всего Константином Воробьевым написано около 30 произведений. Но самого главного, выстраданного – того, о чем он писал в далеком 1943 году, прячась от немцев, Константин Воробьев так и не смог сказать. Поэтому он начал писать продолжение повести «Крик» – о плене, видимо, пытаясь возродить и переиначить потерянную когда-то рукопись. Но написать ее не успел. 2 марта 1975 года Константин Воробьев скончался от рака мозга.

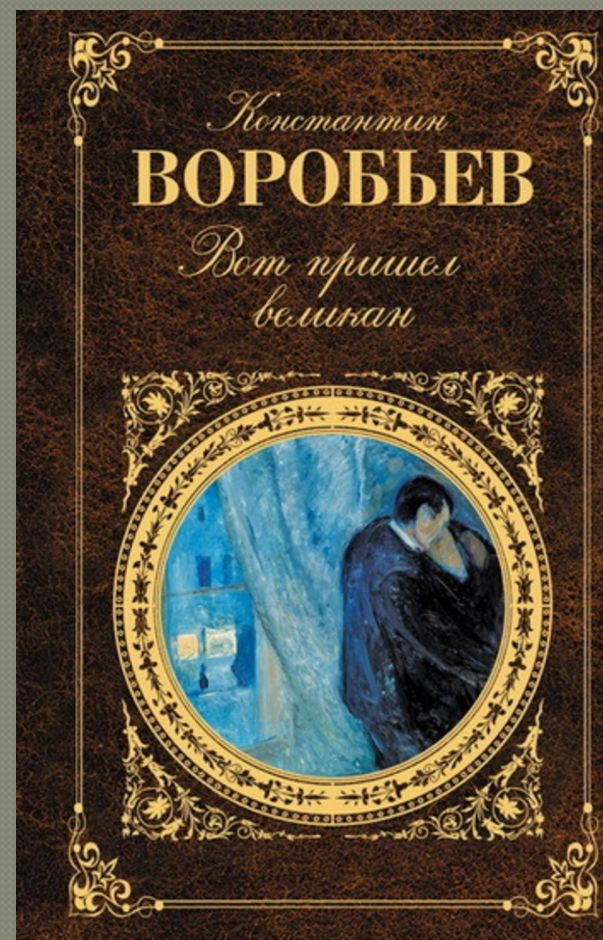
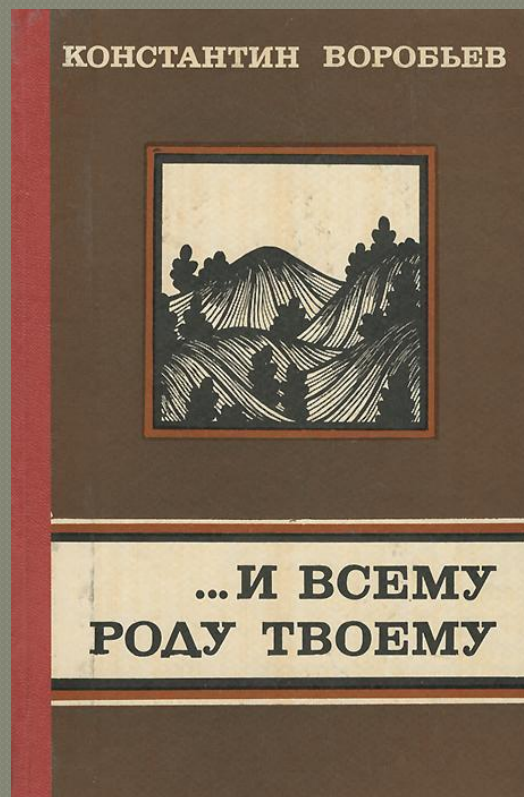
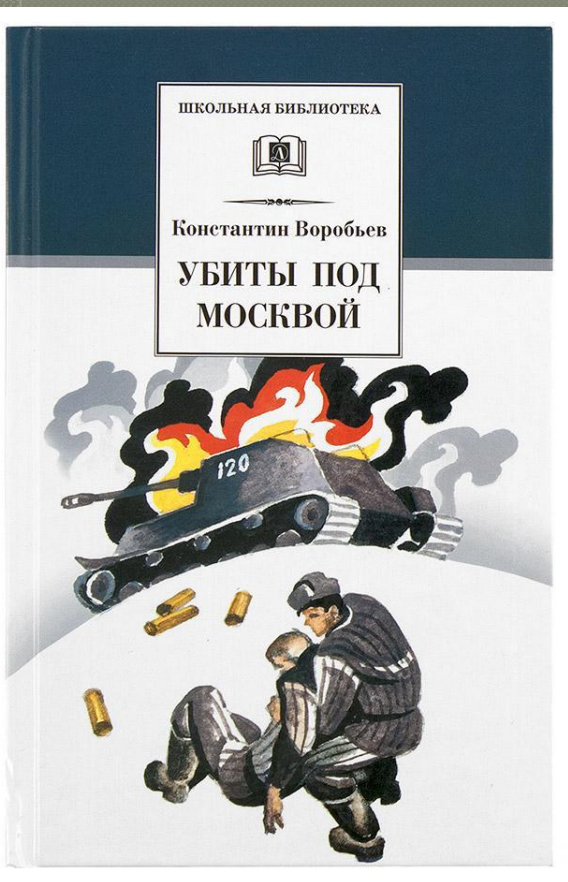
В 2013 году, на могиле писателя – фронтовика и его жены Веры, в Курске Его автор - курский скульптор Владимир Бартенев. Старую гранитную плиту заменила целая скульптурная композиция: на тополе, произрастающем между двух гранитных плит гнездо, а не нем - два аиста. Константин Воробьев был одним из самых известных писателей имеющих курские корни. Автор повестей и романов «Это мы, Господи», «Убиты под Москвой», «Вот пришел великан» и других. Писатель умер в 1975 году в Вильнюсе, а в 1995 его перезахоронили на Родине в Курске. В 2000 году рядом с Воробьевым похоронили и его супругу. А спустя четырнадцать лет в сквере у курской государственной филармонии в честь писателя установили памятник. Автором стал все тот же скульптор Владимир Бартенев.

ВО ПОМНЕНИИ
НАШИХ

ВО ПОМНЕНИИ
НАША

Но лучшим памятником писателю остаются его книги, которые
перечитываются
все новыми и новыми поколениями людей, желающих знать правду о войне.
Книги Константина Воробьева – документальные свидетельства высоты
человеческого духа, любви к Родине, незыблемым ценностям
истинной фронтовой дружбы.

Презентацию
подготовила
И.П.
Самусенко